

МЕРТВЫЙ КАМЕНЬ

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СЕВЕРНЫЙ УРАЛ

ПЁТР ФАРФУДИНОВ

Пётр Фарфудинов

Мертвый камень

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Мертвый камень / П. Фарфудинов — «Автор», 2026

Геологическая экспедиция на Северный Урал должна была стать рутинной. Пятнадцать человек, две женщины, перспективное месторождение. Но в глухой тайге, у подножия зловещего Мертвого Камня, начинают бесследно исчезать люди. Сначала по одному, затем прямо из охраняемого лагеря. Официальная версия — несчастные случаи, дикие звери. Начальник экспедиции, бывший военный геолог Сергей Горский, быстро понимает: это не стихия и не мистика. Это хладнокровные убийства. Кто-то методично устраняет членов его команды. Мотив — алмазная жила редкоземельных металлов, оцененная в миллиарды. Враги — невидимые, профессиональные и... возможно, свои же. Это криминальный детектив под открытым небом, где законы тайги суровее любого уголовного кодекса, а цена за богатство измеряется не в деньгах, а в крови. Чтобы выжить и раскрыть предательство, Горскому придётся вспомнить забытые навыки и проверить на прочность не только периметр лагеря, но и души тех, кто рядом. Игра началась. Кон — смерть.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Мертвый камень

Мёртвый камень

Геологи не оставляют следов

ПРОЛОГ

Дождь бил по палатке, как будто хотел стереть ее с лица земли. Не августовский, а какой-то ледяной, осенний, чужой. Сергей Петрович Горский, начальник Северо-Уральской комплексной геолого-разведочной экспедиции № 17, прислушивался не к шуму воды, а к тишине за стенкой брезента. Тишине в соседней палатке, где должны были храпеть после тяжелого перехода Савельев и Колесников.

Но они не храпели. Они не курили у выхода, не перешептывались. Их не было.

Сергей Петрович выскользнул наружу, не надевая дождевика. Фонарь выхватил из мрака пустую поляну, следы от колышков, аккуратно выдернутые, и уходящую в черноту тайги тропу. Не беспорядочные следы бегства, а... четкую цепочку. Как будто они спокойно собрались и ушли. Но куда? В эту ночь? В этот ливень?

На столе у потухшего костра лежал образец – кусок породы с вкраплениями незнакомого, тускло мерцающего даже без света минерала. Савельев нашел его днем в расщелине у подножия Мертвого Камня – скального останца, на который местные из последней встреченной деревни крестились и отводили глаза.

Горский поднял камень. Он был теплым. Не от руки, а изнутри, как живой. Или как рана на теле планеты.

«Первая смена», – прошептал он, глядя в темноту, откуда не доносилось ни звука. Семеро человек. Два месяца назад. Служба в МЧС развела руками: «Тайга, Сергей Петрович. Медведи, болота, дезориентация. Будем искать». Не нашли.

А теперь вот двое. Прямо из лагеря.

Он повернулся к большой палатке, где спали остальные. Спала *она*. Фаина. Та, из-за глаз которой он, матерый волк полярных экспедиций, забыл, что такое сон. И вторая – холодная, расчетливая Лика, чей взгляд всегда скользил по Фаине, как нож по точильному камню.

Экспедиция только началась. Впереди – недели работы у подножия Мертвого Камня. И пятнадцать человек, двенадцать из которых – мужчины, уже смотрят друг на друга с немим вопросом и зарождающимся страхом.

Дождь смыл все следы. Все, кроме того чувства в подложечной впадине, которое говорило Горскому: это не конец. Это только начало. И следующая пустая палатка может оказаться любой.

ГЛАВА 1. ПРИНЯТЬ НЕ МОЖЕТСЯ

Солнце над хребтом Медвежьих Сопок было холодным и резким, как лезвие скальпеля. Оно освещало не живую тайгу, а некое подобие ландшафта: угрюмые ели, валежник, покрытый лишайником, словно седыми бородами, и серые скальные выходы. И над всем этим – зловещий, неестественно правильный конус Мертвого Камня.

Лагерь экспедиции, разбитый на небольшой, сравнительно сухой поляне у речушки, напоминал осажденную крепость. Палатки стояли тесным кругом, радиоантенна тянулась к безразличному небу, а у разборного стола в центре царила гнетущая тишина.

Сергей Петрович Горский, широкоплечий, с лицом, изрезанным морозами и ветрами, обвел взглядом оставшихся. Четырнадцать пар глаз. В них читалось не столько горе, сколько животный, первобытный страх. Страх перед невидимым.

– Протокол составлен, – его голос, обычно густой и уверенный, слегка хрипел. – Координаты переданы. Группа поиска вылетает из Верхнеуральска завтра на рассвете. До их прихода – никаких одиночных выходов за периметр лагеря. Работаем только группами не менее трех человек, с рациями. Ночью – дежурство, по двое. Оружие выдам ответственным.

– Оружие? – взметнулся голос молодого геофизика Артема. – Сергей Петрович, вы думаете, это... зверь?

– Я думаю, что мы ничего не думаем, – жестко оборвал его Горский. – Мы принимаем меры. Савельев и Колесников – опытные люди. Они не ушли бы просто так. Значит, была причина. Пока мы ее не знаем.

Взгляд его невольно скользнул к Фаине. Она сидела на пне, завернувшись в толстый свитер, но это не скрывало линий ее тела. Высокая, с роскошной медной косой, сейчас туго заплетенной, и глазами цвета лесного омута – глубокими и таящими в себе какую-то тихую, манящую грусть. Сейчас эти глаза были пристально устремлены на пламя походной горелки, над которой варилась каша. Она была минералогом, лучшим в институте по ксенолитам, но здесь, в глуши, волей судьбы стала еще и тем, кто кормил и лечил. Ее руки, умевшие под микроскопом находить тайны древней земли, сейчас чистили картошку уверенными, быстрыми движениями.

Рядом с ней, будто на контрасте, застыла Лика – Лика Свиридова, геохимик. Худощавая, с острыми, точеными чертами лица и короткой стрижкой пепельного цвета. Ее серые глаза, холодные и оценивающие, были прикованы не к костру, а к Горскому. В них читался не страх, а скорее... азарт. Интрига. Она ловила каждое его слово, каждый жест, и уголки ее губ чуть подрагивали, когда он смотрел на Фаину.

– Каша готова, – тихо сказала Фаина, и ее голос, низкий, бархатный, рассек напряженную тишину, как нож масло. – Идите, пока горячая. Дежурным отложу.

Люди потянулись к котелкам, движения их были скованными, механическими. Горский остался у стола, разбирая карты. К нему подошла Лика.

– Сергей, нужно поговорить, – ее голос был тихим, но без интимных ноток. Деловым. – Образцы, которые Савельев принес вчера. Я сделала предварительный анализ. Там есть... аномалии.

– Какие? – Горский не поднял головы.

– Состав не укладывается ни в одну известную схему для этого региона. Высокое содержание редкоземельных элементов, но не это главное. Есть изотопные соотношения, которых... не должно быть в природе. Вернее, они характерны для пород с экстремально глубоких уровней мантии. Или для метеоритов.

Теперь Горский посмотрел на нее. – Что предлагаешь?

– Прекратить работы у подножия Камня. Сместить район на пять километров к востоку. Там тоже есть перспективные выходы.

– Приказ из института – исследовать именно этот массив. Под ним, по данным аэромагнитной съемки, возможна кимберлитовая трубка. Алмазы, Лика.

– А может, что-то похуже алмазов, – прошептала она, и в ее глазах мелькнуло что-то, от чего Горскому стало не по себе.

Их разговор прервал громкий, натянутый смех у костра. Механик-водитель Гена, здоровенный детина, пытался разрядить обстановку похабным анекдотом. Фаина, разливающая кашу, лишь слабо улыбнулась. Но взгляд ее встретился с взглядом молодого топографа Максима – романтичного, вечно с блокнотом для эскизов парня, который с первого дня тайно и преданно за ней наблюдал. Он сидел в стороне, и в его глазах читалась не просто симпатия, а готовность вскочить и защитить ее от любой, даже не существующей еще угрозы.

Лика, заметив этот немой обмен, презрительно щеркнула губами.

– Наш юный художник уже назначил себя рыцарем при кухонной принцессе, – ядовито бросила она. – Полезет за ней в пасть к этому Камню, только пикни она.

– Хватит, Ли́ка, – устало сказал Горский. – И без того нервы на пределе.

– А у тебя-то нервы в порядке? – она наклонилась к нему чуть ближе. – Или все мысли только о том, как бы уберечь *ее*?

Он не ответил. Он снова посмотрел на Фаину. Она, закончив раздачу еды, подошла к импровизированному медпункту – ящику с красным крестом. Достала блокнот и что-то записала. Лицо ее было сосредоточено и печально. Горский знал, что она перевязывала Савельеву порезанную руку всего два дня назад. Перевязывала тщательно, с какой-то особой, бережной нежностью, которая сводила с ума. И теперь этого человека нет.

Ночь опустилась на тайгу быстро и бесповоротно, как тяжелая штора. Первую вахту заняли Гена-механик и Артем-геофизик. Они сидели у потухшего, но еще теплого костра, спиной к спине, с дробовиками на коленях. Фонари выхватывали лишь ближайшие стволы деревьев, за которыми начиналась непроглядная, густая тьма.

В палатке начальника горела керосиновая лампа. Горский изучал карту. Стук в брезент заставил его вздрогнуть.

– Кто?

– Я, Фаина. Можно?

Он впустил ее. Она внесла с собой запах дыма, хвои и чего-то простого, женского – мыла, может быть.

– Сергей Петрович, – она говорила тихо, чтобы не слышали в других палатках. – Я... перепроверила аптечку. Недостает двух шприцов-тюбиков с морфином. И одного скальпеля из хирургического набора.

Ледяная струя пробежала по спине Горского. – Ты уверена? Могла ошибиться при упаковке?

– Я саковала каждую единицу. Список есть. Их не было уже вчера вечером, но я подумала, что отложила... Сегодня проверила еще раз. Их нет.

Кто в экспедиции мог взять морфий и хирургический инструмент? И зачем?

– Никому ни слова, – приказал он. – Запри аптечку на ключ. Ключ храни у себя.

Она кивнула, ее глаза в свете лампы казались бездонными. – Сергей... Мне страшно. Не за себя. Но здесь что-то не так. Этот камень... он смотрит на нас. Я чувствую.

Он хотел было сделать шаг к ней, взять за руку, но в этот момент снаружи раздался резкий, отрывистый крик. Не человеческий, а звериный, полный такого ужаса, что кровь стыла в жилах. И сразу же – душераздирающий лай и визг Боя, лайки Горского, привязанной у его палатки.

Горский выхватил фонарь и дробовик и выскочил наружу. Фаина – за ним.

У костра метались Артем и Гена. Фонари их вырывали из тьмы безумные лица.

– Что случилось?! – рявкнул Горский.

– Бой! – закричал Артем, трясась. – Бой сорвался с привязи и рванул туда! – Он показал в сторону тени от Мертвого Камня.

– И... и я видел! – Гена уставился на Горского глазами, полными белого ужаса. – В кустах... мелькнуло что-то большое. Не медведь... Двуногое. Но... не человек. Исчезло. Бой за ним!

Из палаток высыпали разбуженные люди. Поднялся шум, паника.

– Тишина! – заглушил всех Горский. – Гена, Артем – со мной. Остальные – в круг, спиной друг к другу, с оружием! Ли́ка, Фаина – в моей палатке, ни шагу!

Он, не дожидаясь, рванул туда, куда умчалась собака. Луч фонаря прыгал по корням, по валежнику. И вдруг он наткнулся на привязь. Толстая нейлоновая стропа была не порвана. Она была... перерезана. Чисто, ровно, как скальпелем.

А в двадцати метрах дальше, на сырой хвое, лежал Бой. Вернее, то, что от него осталось. И Горский, выдавший многое на своем веку, с трудом сдержал рвоту. Собака была не

просто убита. Она была... вскрыта. Быстро, профессионально. И на месте, где должно было быть сердце, зияла пустота.

Но вокруг не было ни капли крови.

Горский поднял голову. Луч его фонаря уперся в черную, непроницаемую стену тайги. А где-то там, в ее сердце, высился Мертвый Камень. И Горскому показалось, что камень этот смотрит на него. И ждет.

Это была только первая ночь после исчезновения двоих. А впереди было еще долгих четырнадцать жизней. И тихая, неумолимая логика безумия, которая только начала свой отсчет.

(Это начало задает мощный психологический и событийный фундамент. Дальше будут развиваться:)

Напряжение в треугольнике: Горский будет разрываться между долгом, растущим чувством к Фаине и манипулятивной близостью Лики, которая знает о нем что-то, что может его сломать.

Раскол в коллективе: Паника породит подозрения. Кто следующий? Может, предатель среди нас? Начнутся взаимные обвинения, может, даже попытка самосуда.

Появление "гостей": Прибудет группа поиска из Верхнеуральска. Их приезд не принесет облегчения, а только усугубит паранойю и, возможно, увеличит список "корма" для Тайны.

Исследование аномалии: Лика и Фаина, каждая со своей мотивацией (наука / защита людей) будут пытаться разгадать тайну минерала, возможно, найдя связь с местными легендами о "подкаменном народе" или древних культах.

Эскалация угрозы: Пропажи участвуют. Будут находиться не тела, а... следы. Странные, необъяснимые. Возможно, кто-то вернется, но уже измененным, не собой.

Открытие тайны Мертвого Камня: В конце концов, экспедиция (или то, что от нее останется) обнаружит, что Камень – не просто скала. Это портал, щит, тюрьма или что-то иное для сущности, питающейся не плотью, а чем-то более тонким – страхом, жизненной силой, временем? Или это дело рук человеческих – секретный советский/современный эксперимент, вышедший из-под контроля?

Финал: Выжить смогут единицы. Цена будет чудовищной. Любовь окажется не спасением, но последним испытанием. И тайна, возможно, будет сохранена, погребенная снова в глубинах тайги, готовясь к новой жатве.

Продолжим?

продолжим...

Отлично. Продолжаем. Доведем до конца первую "актную" точку – полное погружение в паранойю и первый открытый конфликт.

ГЛАВА 2. НЕСВЯЗНЫЕ СУЩНОСТИ

Труп Боя закопали на рассвете. Молча, быстро, под аккомпанемент однообразного, назойливого ветра, гудевшего в вершинах елей. Земля у подножия Мертвого Камня была каменистой, мерзлой; ломы звякали, отскакивая, и каждый звук отдавался в тишине, как выстрел. Фаина прочитала что-то шепотом, глядя в комья глины, падающие на свалившуюся рыжую шерсть. Максим, бледный, с трясущимися руками, пытался ее поддержать, но она будто не замечала его.

Горский стоял поодаль, наблюдая за людьми. Он видел, как распадается команда. Техник-электронщик Вадим, нервный и суетливый, беспрестанно щелкал зажигалкой, не закуривая. Пожилой буровой мастер Сидорович, обычно невозмутимый, как скала, мрачно ковырял

ломом землю, избегая смотреть в глаза остальным. Они уже не были единым организмом экспедиции. Они были кучкой испуганных особей, сбившихся в кучу, где каждый подозревал соседа.

После похорон Горский собрал всех у штабной палатки. Лицо его было высечено из гранита.

– Вот новые правила, – сказал он, не повышая голоса, но каждое слово падало, как камень. – Весь лагерь обносится сигнальной лентой на расстоянии пятидесяти метров. Никто не переступает ее в одиночку. Даже в туалет – парами, с рацией. Все рабочие маршруты утверждаю лично. Группа – минимум четыре человека. Один всегда смотрит назад. Оружие – у дежурных и у меня. Аптечка, склад с инструментом и питанием – под тремя замками. Ключи у меня, у Фаины и у Сидоровича. Ночью – тройное дежурство. Любое нарушение – и нарушитель будет сидеть на привязи у моей палатки. Понятно?

Молчание было красноречивее любого ответа.

– Мы не уйдем? – тихо спросил Артем. – Неждемся поисковиков и не... свернемся?

– Приказ – работать, – жестко ответил Горский. – Мы не выполнили и трети программы. Институт ждет образцы, данные. Поисковики будут здесь через несколько часов. Они разберутся с... этим. А мы делаем свое дело.

Но он сам не верил в эти слова. Поисковики. Местные ребята из МЧС, которые ищут заблудившихся грибников. Что они смогут понять здесь, где пропажи происходят внутри оцепленного лагеря, где собаку вскрывают с хирургической точностью?

Рабочий день прошел в гнетущем, нервном полусне. Люди ходили по лагерю, сталкиваясь плечами, извиняясь глухими голосами. Фаина готовила обед, но ели мало, механически засовывая в себя пищу. Лика сидела в своей палатке-лаборатории, наглухо застегнутой, и что-то анализировала, упорно, фанатично. Горский видел, как Максим пытался заговорить с Фаиной у костра, как та отстранялась, вежливо, но холодно, и как взгляд молодого топографа темнел от обиды и ревности. Ревности к нему, Горскому. Это было смешно и опасно.

Самолета не было. К вечеру по рации, сквозь дикий вой помех, удалось поймать обрывок сообщения из Верхнеуральска: «...циклон, нулевая видимость... вылет переносится на завтра... держитесь...»

«Держитесь», – мысленно повторил Горский, глядя на темнеющее небо. Ирония была горькой, как полынь.

Ночь вползла в лагерь, словно живое, вязкое существо. Тройное дежурство заняли Сидорович, Гена и Вадим-электронщик. Они сидели у костра, который теперь горел не для тепла, а как маяк против тьмы. Вадим непрерывно бормотал что-то себе под нос, теребя антенну рации.

– Прекрати, – хрипло сказал Сидорович. – Нервы всем треплешь.

– Вы слышите? – вдруг замер Вадим, вытаращив глаза.

– Что?

– Тишину. Совсем тишину. Ни ветра, ни зверей... ни черта.

Они прислушались. Старик был прав. Таежная ночь, обычно полная скрипов, шорохов и отдаленных криков, затаилась. Была только абсолютная, давящая тишина, в которой собственное сердцебиение казалось громом.

И тогда из-за сигнальной ленты, из черноты, донеслось шипение. Не змеиное, а какое-то... механическое, прерывистое, словно лопались пузыри в густой грязи. И запах. Сладковатый, тошнотворный, как разлагающиеся фрукты, смешанные с озоном после грозы.

– К свету! Ближе к костру! – скомандовал Сидорович, вскидывая дробовик.

Гена, могучий и грубый, засмеялся, но смех его был истеричным. – Чего бояться? Приходи, тварь, я тебе...

Он сделал шаг за ленту, направляя фонарь в чашу.

Это было ошибкой.

Из темноты метнулось что-то длинное, гибкое, словно щупальце, но состоящее не из плоти, а из сплетенных корней, теней и чего-то влажно поблескивающего. Оно обвило ногу Гены, прежде чем он успел вскрикнуть. Раздался сухой, кошмарный хруст – ломалась большая берцовая кость. Гена рухнул с оглушительным воплем.

Сидорович выстрелил почти рефлекторно. Картечь со свистом врезалась в темноту, но не в цель – щупальце уже исчезло, утягивая за собой Гену, который отчаянно цеплялся руками за землю, оставляя в мерзлой почве борозды.

Вадим окаменел, затем завизжал и, бросив рацию, рванул бежать – не в лагерь, а в противоположную сторону, в тайгу.

– Стой, идиот! – заревел Сидорович, но было поздно.

Все произошло за десять секунд. Когда из палаток выбежали перепуганные люди с фонарями, на земле у сигнальной ленты валялся только дробовик Сидоровича, а от Гены и Вадима не осталось ничего, кроме странного, маслянистого следа, уходящего в сторону Мертвого Камня, и воя в ночи, который быстро затих.

Паника стала осязаемой, почти материальной. Люди кричали, кто-то плакал. Молодой геодезист Игорь трясся так, что у него стучали зубы. Лика вышла из своей палатки, холодная и собранная, с прибором в руках – geiger-счетчиком. Она направила его на маслянистый след. Прибор захлебнулся трескучим, бешеным стрекотанием.

– Радиация? – с ужасом спросил кто-то.

– Нет, – ответила Лика, не отрывая взгляда от показаний. – Не та спектральная картина. Это что-то другое. Энергия. Очень странная энергия.

Фаина, бледная как полотно, уже тащила к ящику с медикаментами. Но Горский схватил ее за руку.

– Не надо. Ты видела след. Они... не живы. А нам нужно держать оборону.

– Держать оборону?! – завопил Артем, его нервы наконец сдали. – От чего?! От чертовых деревьев?! Тут что-то из-под земли лезет, Горский! Или ты не видишь?! Мы все умрем здесь, как те... как Бой! Надо уходить! Сейчас же! Ночью! Все вместе!

– В тайгу? Ночью? – Горский повернулся к нему, и в его глазах вспыхнула такая свирепая решимость, что Артем отступил. – Это и есть самый верный способ исчезнуть. Мы остаемся. Мы держим круг. У нас есть еда, вода, патроны. Мы продержимся до утра, до поисковиков.

– А если они не прилетят? – прошептал Максим, глядя не на Горского, а на Фаину. – Если это навсегда?

– Тогда будем держаться, пока можем, – сказал Горский. – Сидорович, раздай оставшееся оружие тем, кто умеет. Фаина, Лика – собирай все, что может гореть, делай факелы. Огонь – наше главное оружие сейчас. Остальные – тащи сюда все бензиновые канистры, баллоны с газом. Сделаем стену.

Он был как скала. Его авторитет, подточенный было страхом, вновь обрел твердость в момент крайней опасности. Люди, видя его решимость, начали двигаться, подчиняясь приказам, цепляясь за эту единственную соломинку порядка в хаосе.

Лика, проходя мимо него с ворохом сухих веток, наклонилась и сказала так, чтобы слышал только он:

– Огонь? Ты думаешь, это поможет против того, что может разрезать стропу и утащить здорового мужика без звука? Это не зверь, Сергей. Это нечто, что живет в самом Камне. И оно не охотится. Оно... собирает. Как мы образцы.

– Что ты знаешь? – прошипел он.

– Больше, чем ты. И если хочешь выжить, тебе придется меня слушать. А не ее, – она кивнула в сторону Фаины, которая помогала Сидоровичу связывать факелы.

Работа закипела. Вокруг центральной площадки соорудили баррикаду из ящиков, канистр. Разложили кольцо из горючего материала. Люди с ружьями и факелами заняли позиции. Женщин поставили в центр, у костра, с рацией и сигнальными ракетами.

Ночи не было конца. Временами из тьмы снова доносилось то самое шипение и чувствовался сладковатый запах. Один раз что-то большое и темное медленно проползло прямо за линией факелов, задев свет. Все замерли, пальцы на спусковых крючках побелели. Но атаки не последовало. Казалось, «оно» изучало их. Или ждало.

Под утро, когда нервы были на пределе, а глаза слипались от усталости, случилось неизбежное.

Максим, стоявший на посту рядом с ящиками с образцами, увидел, как Фаина, нарушив приказ, отошла от костра к импровизированной кухне – проверить, не осталось ли кипятку в термосах. В этот момент из-под одного из растянутых тентов, в глухой тени, метнулась тень. Не щупальце, а скорее сгусток мглы, принявший расплывчатую, почти человеческую форму. Он устремился к Фаине.

Максим не крикнул. Он не выстрелил. Он, забыв обо всем на свете, бросился вперед, чтобы закрыть ее собой.

Но Горский был ближе. Он увидел движение, развернулся и выстрелил из дробовика почти в упор, в самый центр тени. Раздался не грохот, а какой-то приглушенный хлопок, словно выстрел был поглощен. Тень отшатнулась, распалась на миг, и Горский увидел... не лицо, а его подобие – гладкую, без глаз и рта, маску из того же темного, мерцающего вещества. Затем тень отпрыгнула назад, в темноту, и растаяла.

Все произошло в секунды. Фаина, обернувшись, оказалась в объятиях Горского, который инстинктивно притянул ее к себе, отбрасывая в сторону пустой дробовик. Она прижалась к его груди, дрожа, и он на миг забыл обо всем – об опасности, о людях, о Лике, чей взгляд, полный ледяной ненависти, впился в них со стороны костра.

Максим застыл в двух шагах, с ножом в руке (откуда он взялся?), его лицо исказила гримаса боли и ярости. Он видел, как она прижимается к *нему*. Как его выстрел спас ее. Не его, Максима, рыцарский порыв, а грубая сила этого старшего, этого начальника.

– Спасибо, – прошептала Фаина, отрываясь от Горского, ее глаза блестели в свете костра.

Горский кивнул, отстраняясь. Профессионально. Но связь между ними, немой, электрический разряд, прошел и был замечен всеми.

– Связка, – хрипло сказал Сидорович, глядя в темноту. – Действуют парами. Одна отвлекает, другая... хватает. Как волки.

Рассвет, грязно-серый и промозглый, застал их изможденными, но живыми. Самолет снова не прилетел. Рация молчала, только шипела помехами.

Их осталось одиннадцать. Четверо пропали за сутки. А Мертвый Камень, теперь освещенный холодным утренним светом, казался еще ближе, еще массивнее. Он не просто стоял. Он *присутствовал*.

Горский понимал, что следующая ночь будет последней. Либо для «него», либо для них всех. И что в этой игре на выживание у него появилось не просто слабое место. У него появилась причина, по которой можно было проиграть. Или победить ценой, которую он боялся даже помыслить.

А в своей палатке, застегнутой на все молнии, Лика Свиридова записывала в походный дневник наблюдения. Последняя строчка гласила: «Эффект усиливается в темноте и вблизи образцов. Подобие разумного поведения. Возможно, реакция на биоэлектрические поля? На страх? Завтра нужен контролируемый эксперимент. Нужна приманка. Максим? Или... она?»

Она закрыла дневник, спрятала его в потайной карман рюкзака и улыбнулась. Улыбкой хищницы, которая знает, где слабое место у добычи. И у конкурентки.

Тайга проснулась. Но безопаснее от этого не стало.

продолжаем...

Отлично. Теперь углубим драму, усиливая напряжение между персонажами на фоне нарастающей внешней угрозы. Добавим новые элементы тайны и личного конфликта.

ГЛАВА 3. НЕРАВНОВЕСИЕ

День принес не облегчение, а новую, тошнотворную реальность. Солнце светило сквозь дымку, но не грело. Воздух был тяжелым, насыщенным запахом влажной хвои и той сладковатой гнилью, что теперь ассоциировалась только со смертью. Лагерь, ошетинившийся баррикадами из ящиков и канистр, походил на лагерь душевнобольных, одержимых одной навязчивой идеей – кругом.

Горский провел перекличку. Одиннадцать человек. Помимо него, Фаины и Лики, остались: непоколебимый Сидорович, истеричный Артем, мрачный топограф Максим, пожилой палеонтолог Николай Игнатьевич (весь ушедший в себя, как в раковину), два брата-близнеца, проходчики с буровой – Саня и Петя, молчаливые и неразлучные, и молодой лаборант Костя, который смотрел на всех с безумной, залипающей улыбкой, словно все происходящее было захватывающим спектаклем.

Рация по-прежнему молчала. Горский приказал Сидоровичу разобрать ее. Старик, кряхтя, покопался в схемах и поднял на Горского круглые глаза:

– Сергей Петрович... тут... предохранители в порядке, но чип приемника... он оплавлен. Изнутри. Как будто его нагрели микроволновкой.

Это окончательно хоронило надежду на скорую помощь. Кто-то или что-то умело глушило связь. И делало это на уровне, недоступном простой таежной нечисти.

– Значит, рассчитываем только на себя, – сказал Горский, и в его голосе впервые зазвучала не усталость, а стальная решимость. – Сидорович, Артем – идете со мной. Берем газовые баллоны, тросы. Делаем ловушки по периметру, растяжки. Фаина, Лика – проверяете все образцы. Всю породу, что натаскали. Ищем аномалии, что угодно. Остальные – укрепляем баррикады. Никаких одиночных действий. Даже мысли.

План был прост: перейти от пассивной обороны к активной. Но для этого нужна была воля. И она трещала по швам.

Лика, услышав приказ, подошла к Горскому, демонстративно положив руку на его локоть. Фаина, стоявшая в двух шагах, отвернулась, делая вид, что поправляет повязку на аптечке.

– Сергей, образцы – это ключ, – тихо, но настойчиво говорила Лика. – Но обычным анализом тут не обойтись. Нужны... полевые испытания. На биообъектах.

– На каких? – нахмурился Горский.

– На насекомых. На грызунах, если поймает. Но лучше – на чем-то более сложном. – Ее взгляд скользнул в сторону палатки, где сидел, уставившись в пустоту, Николай Игнатьевич. – Мы должны понять, на что оно реагирует. На тепло? На движение? На эмоциональный фон?

– Не тронь старика, – резко сказал Горский.

– Я и не собираюсь, – улыбнулась Лика, и в ее улыбке было что-то хищное. – Но кто-то может решить, что мы зря кормим лишний рот.

Она повернулась и пошла к лабораторной палатке, бросив на ходу Фаине: – Иди, поможешь. Твои "медицинские" навыки могут пригодиться для вскрытия.

Фаина вздрогнула, но молча последовала за ней. Максим, наблюдавший за этой сценой, сжал кулаки. Его ревность, замешанная на страхе и унижении, начинала бродить, как плохое вино.

Работа по устройству ловушек была адской. Каждый шаг за сигнальную ленту давался с трудом. Артем прыгал от каждого шороха. Сидорович работал молча, с сосредоточенностью сапера на минном поле. Они расставляли баллоны с пропаном, привязывали к клапанам тонкие лески, маскировали их листьями. Идея была проста и страшна: при контакте – взрыв и огненный шквал. Горский также приказал выкопать несколько ям-ловушек, утыкать их заостренными кольями и замаскировать. Примитивно, но лучше, чем ничего.

Вернувшись в лагерь, Горский услышал приглушенный спор из лабораторной палатки.

– ...это безумие, Лика! Ты не можешь этого делать!

– А что можешь ты? Готовить суп и перевязывать царапины? Пока мы тут играем в выживание, оно изучает нас! Этот минерал – не просто порода. Он... активный. Он излучает что-то. Или принимает. Нам нужно понять частоту!

– И для этого ты хочешь использовать *его*? – это был голос Фаины, полный ужаса.

Горский отдернул полог. В палатке царил полумрак. На столе лежали образцы, некоторые светились тусклым, фосфоресцирующим светом. Лика держала в руках небольшой, похожий на камень, обломок, а перед ней в проволочной клетке металась полевая мышь, пойманная, видимо, еще до начала кошмара. Рядом стоял самодельный прибор, собранный из деталей рации и геологического сканера.

– Что происходит? – спросил Горский.

– Наука, – холодно ответила Лика. – Смотри.

Она поднесла минерал ближе к клетке. Мышь забилась в угол, затряслась, а затем... застыла. Ее глаза остекленели. Из носа и ушей показалась тонкая струйка крови. Через секунду она была мертва.

– Электромагнитный импульс? – пробормотал Горский.

– Глубже, – сказала Лика. – Это воздействие на нервную систему. На синапсы. Он не сжигает – он разрывает связи. Я почти уверена, что люди, которых оно забрало... они не сопротивлялись. Они просто... отключались. Как эта мышь. А потом их уносили. Для чего-то.

Фаина смотрела на мертвое животное с таким отвращением и жалостью, что Горскому захотелось ее обнять. Но он не мог. Не здесь. Не сейчас.

– И что это дает нам? – спросил он.

– Если я смогу модулировать сигнал, усилить его и направить... возможно, мы сможем его оглушить. Или отогнать. – В глазах Лики горел азарт первооткрывателя. – Но для этого нужна энергия. Много энергии. И чистая биологическая проба. Не мышь. Что-то большее.

Ее взгляд снова стал тяжелым, значимым. Горский понял. Она говорила о приманке. О живом человеке.

Он вышел из палатки, чувствуя, как его тошнит. Не от страха, а от осознания бездны, в которую заглянула Ли́ка. И в которую она была готова толкнуть их всех.

Обед был безвкусным и молчаливым. Фаина разливала консервированную тушенку, ее руки дрожали. Максим сидел напротив, не сводя с нее глаз. Внезапно он встал и громко, на весь лагерь, сказал:

– Мы сидим здесь, как бараны на заклании. Горский говорит – держаться. А что, если это они и хотят? Чтобы мы сидели тут, боялись, пока нас по одному не выдергивают? Нужно наступать!

– Куда? – спросил Сидорович, не поднимая глаз от миски.

– К Камню! Это же очевидно! Все тянется туда! Значит, там логово! Нужно его уничтожить! Взрывчатка у нас есть, для работ!

– И пойти туда скопом? – флегматично спросил Сидорович. – Чтобы оно нас всех разом и прибрало? Молодо-зелено.

– Лучше, чем ждать! – закричал Максим, и его голос сорвался на визг. – Или у тебя, старик, уже нет сил? А может, ты уже... не на нашей стороне?

Тишина повисла густая, как кисель. Саня и Петя, сидевшие рядышком, синхронно подняли головы. Артем замер с ложкой на полпути ко рту. Подозрение, как ядовитый газ, вырвалось наружу.

– Что ты сказал? – тихо, но очень опасно спросил Сидорович.

– Он прав, – неожиданно встрял Костя-лаборант, все с той же безумной улыбкой. – Кто знает, что оно может? Может, оно уже среди нас. Может, выглядит как мы. Может, Сидорович уже не Сидорович. Или Фаина... – он сладострастно облизнулся.

Фаина побледнела. Максим шагнул к Косте:

– Заткнись, урод!

Горский встал, и его стул с грохотом упал назад.

– Хватит! Следующий, кто заведет эту тему, получит по зубам, а потом будет привязан к столбу снаружи периметра. Понятно? Мы держимся вместе. Или мы умрем все.

Но семя было брошено. Теперь в страхе перед внешним монстром появилась новая, возможно, более страшная составляющая – страх друг перед другом.

Вечером, когда солнце клонилось к хребтам, случилось нечто, что перевернуло все с ног на голову.

Из леса, шатаясь, вышел человек.

Это был Вадим, электронщик. Тот самый, что побежал в ночь. Одежда на нем была цела, но висела, как на вешалке. Лицо было серым, восковым. Он шел, не глядя под ноги, прямо на баррикады.

– Стой! – закричал Артем, вскидывая ружье. – Стой, или стреляю!

Вадим не остановился. Он уперся в ящик, сдвинул его и вошел в круг света костра. Его глаза... они были открыты, но взгляд был направлен куда-то внутрь, в никуда. Он что-то шептал.

– ...несвязные сущности... пульсация... надо слушать... слушать Камень...

– Вадим! – Горский схватил его за плечи и встряхнул. – Что с тобой? Где Гена?

Вадим медленно повернул голову к Горскому. И улыбнулся. Улыбкой, полной такого безумия и покоя, что кровь стыла в жилах.

– Гена... стал частью. Стал чистым. Без страха. Без мыслей. Он... счастлив. И мы все будем счастливы. Надо только... перестать сопротивляться.

Из его уха медленно выполз тонкий, черный, похожий на корень росток. Он шевельнулся и снова скрылся под кожей.

Костя, наблюдавший за этим, захихикал: – Видите? Я же говорил! Он вернулся! Он теперь знает!

Фаина, как настоящий медик, преодолела отвращение и шагнула к Вадиму с тонометром. – Пусть я его осматрю...

– Не подходи! – рявкнула Лика. – Он не человек. Он передатчик. Или детонатор.

Но было поздно. Вадим вздрогнул, его тело выгнулось неестественной дугой. Из его рта хлынул поток тех же черных, вязких, блестящих нитей. Они потянулись к ближайшему образцу породы, лежавшему у выхода из лабораторной палатки. Камень вспыхнул ярким, ядовито-зеленым светом.

И из-под земли, прямо в центре лагеря, взметнулись те самые щупальца из тьмы и корней. Не одно, а три. Они не атаковали людей. Они устремились к ящикам с образцами, к лабораторной палатке.

– Оно не за нами! – крикнула Лика, и в ее голосе впервые прозвучало просветление. – Ему нужны камни! Образцы! Оно их чувствует!

Горский действовал на автомате. Он выхватил пистолет (последнее серьезное оружие) и выстрелил в ближайшее щупальце. Пуля, казалось, лишь разорвала его поверхность, из раны брызнула черная, тягучая жидкость. Щупальце отдернулось, но не исчезло. Остальные продолжали свое дело, снося палатку-лабораторию, хватая ящики и утаскивая их под землю, в какую-то внезапно разверзшуюся черную трещину.

Максим, вместо того чтобы стрелять, бросился к Фаине, оттаскивая ее от Вадима. Вадим же, истощившись, рухнул на колени, а затем его тело начало... рассыпаться. Не разлагаться, а именно рассыпаться, как песчаная кукла, превращаясь в кучку темного пепла и тех самых черных нитей, которые тут же уползли в трещину.

Через тридцать секунд все кончилось. Щупальца исчезли. Трещина сомкнулась, оставив лишь рыхлую, вздыбленную землю. Лабораторная палатка была разрушена. Половина образцов пропала. Вадим исчез, оставив после себя только пустую одежду и странный пепел.

Тишина, наступившая после этого шквала, была оглушительной.

Лика первой пришла в себя. Она подбежала к тому месту, где была трещина, упала на колени и начала рыться в земле.

– Идиоты! – кричала она, и в ее голосе звучала настоящая, неподдельная боль. – Вы видели?! Это не агрессия! Это... собирательство! Оно защищает свою среду! Оно забрало образцы! Мои данные! Все!

– Твои данные? – с трудом приходя в себя, проговорил Горский. – Оно только что чуть не забрало нас всех, Лика!

– Потому что мы принесли сюда его части! – она вскочила, ее лицо было искажено яростью. – Мы вскрыли рану! Мы таскали по кускам его плоти! Мы сами спровоцировали это! Не оно пришло к нам – мы пришли к нему! И мы продолжаем злить его, сидя здесь!

Она была права. Ужасная, безумная, но правота висела в воздухе.

Наступила ночь. Следующая ночь. Но теперь лагерь был другим. Исчезла лаборатория. Исчез Вадим. Осталось десять человек. И они теперь знали: монстр не просто охотится. У него есть цель. И логика. Страшная, чуждая, но логика.

Горский сидел у костра, чистя пистолет. К нему под села Фаина. Молча. Просто села рядом. Их плечи почти соприкасались.

– Я боюсь, – тихо сказала она. – Но не так, как раньше.

– А как?

– Я боюсь, что мы... что мы сами становимся частью этого кошмара. Максим смотрит на меня, как на вещь. Лика смотрит на всех, как на подопытных кроликов. Костя вообще сошел с ума. Мы разваливаемся изнутри, Сергей. Быстрее, чем оно нас уничтожает снаружи.

Он хотел сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Вместо этого он спросил:

– Почему ты здесь? На этой экспедиции? С твоими данными... тебя бы в любую теплую точку взяли.

Она долго молчала, глядя на огонь.

– Бегство, – наконец призналась она. – От человека. От прошлого. Я думала, тайга... она большая. Она все скроет. А она не скрывает. Она обнажает. Выворачивает наружу все самое плохое, что есть внутри.

Он посмотрел на ее профиль, освещенный пламенем. На упрямую линию подбородка, на длинные ресницы. И понял, что его тяга к ней – не просто желание. Это что-то глубже. Признак того, что он еще жив. Что в нем еще есть что-то человеческое, что может тянуться к свету, даже окруженное тьмой.

Он не видел, как из-за тени баррикады за ними наблюдали двое. Лика – с лицом, застывшим в маске холодной ярости. И Максим – с глазами, полными решимости, граничащей с безумием. В руках он сжимал тот самый нож.

Равновесие было окончательно потеряно. Теперь это была не просто битва за выживание. Это была война на три фронта: против непостижимого ужаса из-под Камня, против растущего безумия в своем кругу, и против самих себя – своих страхов, своих желаний, своих темных тайн, которые тайга, как искусный следователь, медленно и неумолимо вытаскивала на свет.

А Мертвый Камень, поглотив принесенную ему "дань", на время затих. Но все чувствовали – это затишье было обманчивым. Оно переваривало. И готовило новый ход.

дальше..., можно усложнить дальнейшие действия...

Отлично. Усложним. Введем новые уровни угрозы – как внешней, так и внутренней. Добавим элемент древнего культа, превратив природную аномалию в нечто более осмысленное и страшное. И главное – обострим конфликты до предела, заставив персонажей сделать необратимый выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.